

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

ДЖИВС, ВЫ – ГЕНИЙ!

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Пелам Гренвилл Вудхаус
Дживс, вы – гений!
Серия «Дживс и Вустер»
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139397
Дживс, вы – гений!: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2006
ISBN 978-5-17-088825-2

Аннотация

Легкомысленный Берти Вустер, самоотверженно пытающийся решить матримониальные проблемы своего друга, попадает в серьезную передрыгу. Но верный Дживс, умница, эрудит и философ, как всегда, бросается на помощь своему хозяину и находит выход из абсолютно безвыходной ситуации.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	4
Глава I	7
Глава II	22
Глава III	31
Глава IV	44
Глава V	58
Глава VI	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Пелам Гренвилл Вудхаус Дживс, вы – гений!

От автора

Это мой первый полнометражный роман о Дживсе и Берти Вустере, и это моя единственная книга, которую я хотел написать, не корпя за пишущей машинкой до ломоты в спине.

Нет, у меня и в мыслях не было диктовать ее стенографистке. Я не могу себе представить, как человек вообще может сочинять что-то вслух, лицом к лицу со скупающей секретаршей. И тем не менее многие писатели, не задумываясь, говорят: «Готовы, мисс Спелвин? Поехали. Тире нет запятая лорд Джаспер Мергатройд запятая тире сказала нет лучше напишите процедила Эвангелина запятая тире я бы не вышла за вас замуж запятая будь вы даже последний оставшийся в мире мужчина точка абзац тире ну что же запятая я не последний в мире мужчина запятая значит и говорить не о чем запятая тире ответил лорд Джаспер запятая саркастически крутя ус точка абзац день тянулся бесконечно долго».

Если бы я начал работать со стенографисткой, я бы все время с тоской представлял себе, что, записывая мои слова, барышня думает: «Нет запятая я решительно ничего не по-

нимаю точка ведь слабоумный человек этот Вудхаус запятая дурдом буквально по нем плачет запятая а он разгуливает себе на воле и хоть бы что запятая как это возможно вопросительный знак».

Но я все же купил такой прибор, там вы говорите в микрофон, а ваши высказывания записываются на воск, и с помощью этого прибора приступил к сочинению книги «Дживс, вы – гений!». Наговорив несколько пассажей, я решил послушать, как это на слух.

На слух это оказалось просто ужасно, никакими словами не передать. Я и не подозревал, что у меня назидательный, самодовольный голос школьного учителя, который вдалбливает в головы учеников азбучные истины. Он наводил тоску и скуку, вгонял в сон. Для меня это был настоящий удар, ведь я надеялся, если все будет хорошо, написать веселую книгу – полную добродушного юмора, смешную, беззаботную, и тут вдруг понял, что человек с таким голосом убьет всякий смех и всякое веселье на десять миль вокруг. Дать ему волю, так он разрешится очередной унылой драмой из сельской жизни, читатель, взяв ее в руки, только пробежит глазами первую страницу и тут же вернет книгу в библиотеку. Поэтому на следующий же день я продал прибор и почувствовал великое облегчение, как Старый Моряк,¹ когда он наконец избавился от альбатроса. Так что теперь я возвра-

¹ Старый Моряк – герой одноименного стихотворения (1798) английского поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772–1834).

щаюсь к испытанному, верному другу – пишущей машинке. Пишу я свои романы и рассказы с наслаждением. Это когда я их обдумываю, мне кажется, будто солнце в небе померкло. И в самом деле, обдумывая сюжеты вроде моих, вы время от времени начинаете подозревать, что оба полушария вашего мозга и та его часть, которая именуется стволовой, серьезно повреждены. Прежде чем приступить к роману, я делаю не меньше четырехсот страниц набросков, и как раз на этой стадии в какой-то миг я неизменно восклицаю про себя: «Какого обаянья ум погиб!»² Но странное дело: едва лишь я начинаю чувствовать, что все, пора выдвигать свою кандидатуру в сумасшедший дом, как вдруг раздается щелчок и наступает сплошной праздник и ликование.

П.Г. Вудхаус

² «Какого обаянья ум погиб!» – У. Шекспир «Гамлет» (акт III, сц. 1), перевод Б. Пастернака.

Глава I

Дживс уведомляет об уходе

Я был слегка встревожен. Ну, не то чтобы встревожен, скорее озабочен. Сажу себе дома в своей замечательной квартире, лениво перебираю струны банджо, которое я в последнее время буквально не выпускал из рук, и про мой лоб нельзя сказать, что он нахмурен, однако ж и утверждать с уверенностью, что он младенчески ясен, никто бы, я думаю, не решился. Пожалуй, точнее всего это выражение можно определить как печать задумчивости. Я размышлял о том, что попал в положение, чреватое неприятностями.

– Дживс, – говорю я, – знаете что?

– Нет, сэр.

– Знаете, кого я видел вчера вечером?

– Нет, сэр.

– Дж. Уошберна Стоукера и его дочь Полину.

– В самом деле, сэр?

– Должно быть, они в Англии.

– Такое заключение напрашивается, сэр.

– Некстати, правда?

– Могу себе представить, сэр, как вам было тяжело встретиться с мисс Стоукер после того, что произошло в Нью-Йорке. Однако, мне думается, вероятность подобной случай-

ности чрезвычайно мала.

Я взвесил его слова.

– Дживс, когда вы начинаете рассуждать о вероятности случайностей, у меня в мозгу происходит короткое замыкание, и я перестаю что-либо соображать. Вы хотите сказать, что мне следует держаться от нее как можно дальше?

– Да, сэр.

– Избегать ее?

– Именно, сэр.

Я с чувством сыграл несколько тактов «Миссисипи». После того как Дживс высказал свое мнение, на душе немного полегчало. Ход его рассуждений был ясен: Лондон велик. Не встретиться с людьми, которых не хочешь видеть, здесь проще простого.

– И все равно, Дживс, я как будто обухом по голове получил.

– Могу себе представить, сэр.

– Мало того, с ними был сэр Родерик Глоссоп.

– Неужели, сэр?

– В том-то и дело, Дживс. А видел я их в ресторане отеля «Савой». Они ужинали за столиком у окна. И вот такая странная вещь: с ними ужинала тетка лорда Чаффнела, леди Миртл. Она-то как оказалась в этой компании?

– Возможно, сэр, ее светлость знакома или с мистером Стоукером и с мисс Стоукер, или с сэром Родериком.

– А, ну да, может быть. Тогда все понятно. Но в тот миг я

удивился, Дживс, признаюсь вам честно.

– Вы разговаривали с ними, сэр?

– Кто, я? Господь с вами, Дживс. Я пулей вылетел из зала. Мало мне Полины Стоукер с ее папашей, так тут еще этот мерзкий Глоссоп, неужели вы могли вообразить, что я сознательно, по своей доброй воле вступлю с ним в разговор?

– Ваша правда, сэр, он никогда не был особенно приятен в общении.

– Если и есть на свете человек, с кем я постараюсь до конца жизни не вступать в беседу, так это как раз этот чертов Глоссоп.

– Забыл доложить вам, сэр, сэр Родерик приходил сегодня утром с визитом.

– Что?!

– Да, сэр.

– Приходил ко мне с визитом?

– Да, сэр.

– После того, что произошло между нами?!

– Да, сэр.

– Ну, знаете!

– Да, сэр. Я уведомил его, что вы еще спите, и он сказал, что придет позже.

Я рассмеялся. Весьма саркастически, это я умею.

– Ах вот как, позже? Ну что ж, если он и в самом деле придет, натравите на него собаку.

– У нас нет собаки, сэр.

– Тогда спуститесь на второй этаж и попросите миссис Тинклер-Мульке одолжить ее шпича. Наносит светские визиты после того скандала в Нью-Йорке! В жизни не слышал о подобной наглости! Дживс, вы слышали когда-нибудь о подобной наглости?

– Не скрою, сэр, в сложившихся обстоятельствах его появление меня весьма удивило.

– Еще бы не удивиться. Это просто черт знает что! Немыслимо! Невероятно! Надо же быть таким толстокожим, настоящий бегемот.

Сейчас я посвящу вас во все перипетии разыгравшихся недавно событий, и, я уверен, вы согласитесь, что мой гнев вполне оправдан. Итак, следуйте за мной.

Месяца три назад, заметив, что моя тетка Агата слишком уж разгорячилась, я счел за благо махнуть ненадолго в Нью-Йорк и переждать там, пока она успокоится. И буквально через несколько дней на вечеринке в «Шерри-Незерленд» я познакомился с Полиной Стоукер.

Я влюбился в нее с первого взгляда. Ее красота свела меня с ума, я был как пьяный.

Помню, вернувшись домой, я спросил у Дживса:

– Дживс, кто был тот парень, который глядел на что-то такое и сравнивал себя с другим парнем, который тоже на что-то глядел? Я учил это стихотворение в школе, но сейчас забыл.

– Думаю, сэр, индивидуум, которого вы имеете в виду, это поэт Китс, он, прочтя Гомера в переводе Чапмена, сравнил свои чувства с радостным волнением отважного Кортеса,³ который орлиным взором глядел на безбрежные просторы Тихого океана.

– Тихого – вы уверены?

– Да, сэр. А его матросы молча стояли на высоком берегу Дарьена и переглядывались в немом изумлении.

– Ну да, конечно. Теперь вспомнил. Так вот, именно такое волнение я испытал сегодня, когда меня представили мисс Полине Стоукер. Дживс, отгладьте брюки с особой тщательностью. Я нынче с ней ужинаю.

В Нью-Йорке, я всегда замечал, сердечные дела развиваются со скоростью урагана. Наверное, есть что-то такое в тамошнем воздухе. Через две недели я сделал Полине предложение, и она сказала «да». Казалось бы, все прекрасно, я на седьмом небе. Как вы думаете, сколько продолжалось мое счастье? Ровно два дня. Злодейская рука сунула под трансмиссию гаечный ключ, и двигатель заглох.

Злодей, который подкрался со своим гаечным ключом, был не кто иной, как сэр Родерик Глоссоп.

Вы, вероятно, помните, что в моих воспоминаниях довольно часто мелькает имя этого гнусного шарлатана. Башка

³ ...с радостным волнением отважного Кортеса... – Дживс говорит о сонете английского поэта Джона Китса (1795–1821) «На прочтение Гомера в переводе Чапмена» (1816).

у него лысая как коленка, густые развесистые брови, выдает себя за маститого специалиста по нервным расстройствам, а на самом деле просто заштатный докторишко из желтого дома, хоть и дорогой; эта болотная чума уже много лет встает у меня на пути, и ни одна наша встреча добром не кончилась.

Вот и сейчас тоже: когда в газетах появились сообщения о моей помолвке, он как раз оказался в Нью-Йорке.

Спрашиваете, зачем он туда приехал? А он регулярно навещал троюродного братца Дж. Уошберна Стоукера, который был его пациентом. Братец Джордж всю свою жизнь только и делал, что отнимал кусок хлеба у вдов и сирот и под старость слегка притомился. Говорить стал темно и бессвязно, ходил же предпочтительно на руках. Сэр Родерик пользовал его уже несколько лет, для чего время от времени срылся в Нью-Йорк и производил инспекцию. На сей раз он прибыл как раз вовремя, чтобы за утренним кофе и яйцом всмятку прочесть о том, что Бертрам Вустер и Полина Стоукер планируют прошеествовать к алтарю под «Свадебный марш» Мендельсона. И, как я понимаю, прямо с набитым ртом кинулся к телефону названивать невестиному родителю.

Какие именно слова он говорил Дж. Уошберну, я, конечно, не знаю, но, думаю, сообщил о том, что я некогда был помолвлен с его дочерью Гонорией, а он эту помолвку разорвал, убедившись, что я безнадежный идиот; пересказал, без сомнения, эпизод с кошками и рыбиной в моей спальне, а

также эпизод с украденной шляпой, не забыл о моем пристрастии лазать по водосточным трубам, ну и, надо полагать, дело довершила проткнутая шилом грелка – эта злосчастная история произошла много лет назад, когда он гостил в поместье леди Уикем, а ее дочь Бобби подбила меня на эту авантюру.

Сэр Родерик – близкий друг Дж. Уошберна, к тому же Дж. Уошберн верит ему как Господу Богу, и потому этот шарлатан без труда убедил папашу, что я не тот идеальный зять, о котором он мечтал. Словом, мое счастье не продлилось и двух дней, меня известили, чтобы я не трудился заказывать полосатые брюки и покупать гардению в петлицу, потому что моя кандидатура отвергнута.

И вот теперь у этого негодяя хватило наглости явиться с визитом в дом Вустера. Как это понимать, я вас спрашиваю?

Ладно же, он у меня узнает, что такое ледяной прием.

Сiju себе, играю на банджо, и вскоре он является. Тем, кто хорошо знает Бертрама Вустера, известно, что он способен вдруг пламенно увлечься чем-то, и уж если увлекся – все, остальной мир для него не существует, он настойчиво добивается своей цели, безжалостный, как автомат. Так случилось и с банджо. После того ужина в «Альгамбре», когда несравненный Бен Блум и его «Шестнадцать балтиморских виртуозов» открыли передо мной прекрасный новый мир и я решил научиться играть на банджо, я прилежно занимаюсь по два часа в день. И сейчас я тоже извлекал из струн

вдохновенные звуки, но дверь отворилась, и Дживс впустил в гостиную этого мерзкого шарлатана-психоаналитика, о котором я вам только что рассказывал.

С тех пор как Дживс уведомил меня о желании этого субъекта побеседовать со мной, я успел все обдумать и решил, что он раскаялся в своих поступках и считает долгом принести мне извинения. Поэтому когда Бертрам Вустер поднялся, чтобы приветствовать гостя, он был уже в своей смягчившейся ипостаси.

– А, сэр Родерик, – сказал я. – Доброе утро.

Более любезный тон трудно себе и вообразить. Поэтому представьте мое изумление, когда в ответ он лишь хрюкнул, притом хрюкнул довольно злобно, тут никто бы не усомнился. Я понял, что поставил неправильный диагноз. Можно сказать, пальцем в небо попал. Это он-то раскаивается, это он желает принести мне извинения? Ха! Интриган глядел на меня с такой гадливостью, будто я – какой-то там возбудитель инфекционного слабоумия.

Ладно, если он пришел ко мне с таким настроением, именно так, черт побери, мы его и встретим. Моя доброжелательность испарилась. Я принял строгое выражение и высокомерно выгнул бровь. И только что хотел окатить его ледяным «Чему обязан честью...» и так далее, но он опередил меня.

– Вам место в психиатрической клинике!

– Прошу прощения?

– Вы представляете собой угрозу для общества. Посред-

ством какого-то кошмарного музыкального инструмента вы, как выяснилось, превратили жизнь всех ваших соседей в форменный ад. А-а, вижу, вы и сейчас держите этот инструмент в руках. Как вы смеете производить подобные звуки в столь респектабельном доме? Настоящий кошачий концерт!

Я – ледяное спокойствие и гордое чувство собственного достоинства.

– Вы, кажется, сказали «кошачий концерт»?

– Сказал.

– Вот как? Так вот, позвольте... должен довести до вашего сознания, что человек, у которого нет музыки в душе... – Я подошел к двери и крикнул в коридор: —Дживс, что Шекспир сказал о человеке, у которого нет музыки в душе?

– «Тот, у кого нет музыки в душе,⁴ кого не тронут сладкие созвучья, способен на грабеж, измену, хитрость», сэр.

– Благодарю вас, Дживс. Способен на грабеж, измену, хитрость, – повторил я, возвращаясь.

Он сделал несколько шажков, как бы пританцовывая.

– Известно ли вам, что дама, живущая в квартире под вами, миссис Тинклер-Мульке, – одна из моих пациенток? У миссис Тинклер-Мульке чрезвычайно расстроены нервы. Мне пришлось прописать ей успокаивающее.

Я поднял руку.

– Прошу избавить меня от хроники жизни в дурдоме, –

⁴ «Тот, у кого нет музыки в душе...» – У. Шекспир «Венецианский купец» (акт V, сц. 1), перевод Т. Щепкиной-Куперник.

небрежно бросил я. – И позвольте поинтересоваться со своей стороны, известно ли вам, что миссис Тинклер-Мульке держит шпица?

– Вы бредите.

– Отнюдь нет. Это животное лает целыми днями, а иногда и чуть не всю ночь. И при этом у миссис Тинклер-Мульке хватает наглости жаловаться на мое банджо? Ну, знаете ли! Пусть сначала вынет шпица из собственного глаза, – изрек я библейски.

Здорово я его уел.

– Я пришел говорить не о собаках. Вы должны дать обещание, что немедленно прекратите терзать эту несчастную женщину.

Я покачал головой:

– Жаль, что она не понимает музыки, но искусство превыше всего.

– Это ваше последнее слово?

– Последнее.

– Прекрасно. Вы еще обо мне услышите.

– А миссис Тинклер-Мульке будет слушать вот это, – сказал я, подняв над головой банджо.

Потом нажал кнопку звонка.

– Дживс, проводите сэра Р. Глоссопа!

Признаюсь, я был очень доволен, что сумел даже ему дать отпор в этом столкновении воли. А ведь было время, и вы,

наверно, его помните, когда неожиданное появление в моей гостиной старикашки Глоссопа обращало меня в трусливого зайца. Однако я с тех пор закалился в горниле жизни, и его вид уже не наполняет меня неизреченным ужасом. С чувством глубокого удовлетворения я исполнил «Кукольную свадьбу», «Поющих под дождем», «Заветные три слова», «Спокойной ночи, любимая», «Люблю тебя», «Весна, цветущая весна», «Чья ты, крошка?» и «Куплю себе авто с клаксоном, гудеть он будет ту-ту-туу...», исполнил в поименованном порядке, но последнюю песню допеть не успел: телефон зазвонил.

Я снял трубку и стал слушать. И чем дольше я слушал, тем упорней каменела решимость на моем лице.

– Очень хорошо, мистер Манглхоффер, – холодно отчеканил я. – Можете сообщить миссис Тинклер-Мульке и ее приспешникам, что я выбираю второе «или» вашей альтернативы.

И тронул кнопку звонка.

– Дживс, – сказал я, – у нас неприятности.

– В самом деле, сэр?

– На Беркли-Мэншнс, в респектабельном аристократическом сердце Лондона, назревает отвратительный скандал. Не вижу у живущих здесь людей желания идти на взаимные уступки, и уж вовсе отсутствует дух добрососедства. Я только что говорил по телефону с управляющим нашего дома, он предъявил мне ультиматум. Сказал, или я прекращаю игру

на банджо, или должен съехать.

– Неужели, сэр?

– Оказывается, на меня подали жалобы distinguished миссис Тинклер-Мульке из шестой квартиры, подполковник Дж. Дж. Бастард, кавалер ордена «За безупречную службу», из пятой квартиры, а также сэр Эдвард и леди Бленнерхассет из седьмой квартиры. Ну и пусть жалуются, мне наплевать. Наконец-то мы избавимся от всех этих Тинклер-Мульке, Бастардов и Бленнерхассетов. Расстанусь с ними без сожалений.

– Вы планируете съехать, сэр?

Я вскинул брови.

– Дживс, неужели вы могли предположить, что я способен принять иное решение?

– Боюсь, сэр, что с той же враждебностью вы встретитесь всюду.

– Там, куда я поеду, ее не будет. Я хочу забраться в самую глушь. В мирном сельском уединении я найду себе коттедж и снова предамся занятиям музыкой.

– Как вы сказали, сэр, – коттедж?

– Да, Дживс, коттедж. Желательно увитый жимолостью.

И тут случилось такое, после чего меня можно было сшибить с ног легким щелчком пальцев. Наступило непродолжительное молчание, потом Дживс, этот василиск, которого я столько лет лелеял, если можно так выразиться, у себя на груди, слегка кашлянул и произнес совершенно немыслимые

слова:

– В таком случае, сэр, боюсь, я вынужден заявить об уходе.

Наступило тягостное молчание. Я в изумлении глядел на него.

– Дживс, – наконец произнес я, и если вы скажете, что вид у меня был ошарашенный, вы ничуть не ошибетесь. – Дживс, я не ослышался?

– Нет, сэр.

– Вы в самом деле хотите покинуть меня?

– С величайшим сожалением, сэр. Но если вы намерены играть на этом инструменте в тесном пространстве деревенского домика...

Я расправил плечи и вскинул голову:

– Вы произнесли слова «на этом инструменте», Дживс. И произнесли их враждебным брезгливым тоном. Должен ли я сделать вывод, что вам не нравится банджо?

– Не нравится, сэр.

– Но ведь до сих пор вы его терпели.

– С великими муками, сэр.

– Так знайте же, что люди более достойные, чем вы, терпели неудобства, в сравнении с которыми банджо просто цветочки. Известно ли вам, что один болгарин, такой Элия Господинофф, играл однажды на волынке двадцать четыре часа без передышки? Об этом рассказывает Рипли в разделе «Хотите верьте, хотите нет».

– Вот как, сэр?

– И вы наверняка думаете, что камердинер Госпожиноффа устроил своему хозяину по этому поводу обструкцию? Со смеху лопнуть можно. Они там, в Болгарии, сделаны из другого теста. Уверен, он с начала и до конца поддерживал своего хозяина, пожелавшего поставить рекорд среди стран Центральной Европы, и, уж конечно, постоянно приносил ему мороженое и разные вкусности для подкрепления сил. Берите пример с болгар, Дживс.

– Нет, сэр, увольте меня, прошу вас.

– Какого черта, Дживс, вы и так объявили, что увольняетесь.

– Правильнее было бы сказать: я не могу отступить от своего намерения.

– Хм.

Я задумался.

– Вы это серьезно, Дживс?

– Да, сэр.

– Вы все тщательно обдумали, взвесили все «за» и «против», сопоставили то-се, пятое-десятое?

– Да, сэр.

– Ваше решение окончательное?

– Да, сэр. Если вы действительно намерены продолжать игру на этом инструменте, у меня нет выбора: я должен оставить свое место у вас.

Горячая кровь Бустеров вскипела. Обстоятельства так

складывались в последние годы, что этот ничтожный субъект стал эдаким домашним Муссолини; но ладно, отметем это в сторону и встанем на твердую почву фактов: кто он, в сущности, такой, этот Дживс? Слуга. Лакей, которому платят жалованье. А человек не может раболепствовать – или раболепничать? – перед своим слугой до скончания века. Наступает миг, когда он должен вспомнить, как доблестно сражались его предки в битве при Креси,⁵ и твердо настоять на своем. Именно такой миг наступил сейчас.

– Ну и уходите, черт побери.

– Благодарю вас, сэр.

⁵ ...в битве при Креси... – Креси – населенный пункт в северо-восточной Франции, возле которого во время Столетней войны английские войска под командованием короля Эдуарда III Плантагенета разбили в 1346 г. французскую армию короля Филиппа VI.

Глава II

Чаффи

Что греха таить, когда я через полчаса взял трость, шляпу и лимонного цвета перчатки и вышел из дому пройтись, на душе у меня было чернее тучи. Страшно было подумать, как я теперь буду жить без Дживса, однако мысль о том, чтобы сдать, ни разу не пришла в голову. Я шагал, горя воинственным огнем и сверкая блеском лат, еще минута – и я бы заржал, как боевой конь, или даже издал бы древний боевой клич Бустеров, но, свернув на Пиккадилли, я заметил на горизонте знакомый силуэт.

Знакомым силуэтом оказался мой школьный приятель, пятый барон Чаффнел, и именно его тетка Миртл, если вы помните, бражничала вчера вечером с этим исчадием ада Глоссопом.

Увидев Чаффи, я вспомнил, что мне нужен коттедж в деревне, а Чаффи именно тот человек, кто может мне коттедж предоставить.

Я вам никогда не рассказывал о Чаффи? Если рассказывал, скажите. Я знаю его чуть не с пеленок, мы вместе учились сначала в закрытой школе, потом в Итоне, потом в Оксфорде. Но сейчас мы видимся не сказать чтоб слишком часто, ибо он по большей части живет в Чаффнел-Риджисе, в

графстве Сомерсетшир, где ему принадлежит на побережье немыслимых размеров дворец в сто пятьдесят комнат минимум и раскинувшийся на десятки миль вокруг дворца парк. Однако не спешите делать вывод на основании сказанного, что Чаффи – один из самых богатых моих друзей. Бедняга еле сводит концы с концами, как почти все, кто владеет землей, и живет он в Чаффнел-Холле только потому, что у него есть этот злосчастный замок, а поселиться где-нибудь еще ему не по карману. Приди к нему кто-нибудь и скажи, что хочет купить его владения, он расцеловал бы благодетеля в обе щеки. Но кому в наше время нужна такая громадина? Чаффи не может даже сдать замок в аренду. Вот и мается там круглый год, слова не с кем перемолвить, единственное общество – деревенский доктор, приходский священник да тетка Миртл со своим двенадцатилетним отпрыском Сибери, которые живут во вдовьем флигеле в парке. Ничего себе существование для человека, который в университете обещал стать порядочным выпивохой и весельчаком.

Чаффи также принадлежит деревня Чаффнел-Риджис, но и от нее ему толку мало. Понимаете, налоги на землю и недвижимость, а также расходы, связанные с ремонтом и другими надобностями, съедают почти все, что он получает от арендаторов, словом, какая-то бездонная бочка. И все-таки он землевладелец, и, значит, в его владении, несомненно, имеются свободные дома и коттеджи, и он с превеликой радостью сдаст один из них такому надежному жильцу, как я.

– Ты-то, Чаффи, мне и нужен, – сказал я после обмена приветствиями. – Идем обедать в «Трутни», у меня к тебе есть деловое предложение.

Он покачал головой – как мне показалось, печально.

– Я бы с удовольствием, Берти, но через пять минут мне надо быть в отеле «Карлтон». Я там обедаю с одним человеком.

– Плюнь на него.

– Не могу.

– Тогда захвати его с собой, пообедаем втроем.

Чаффи горько усмехнулся:

– Вряд ли тебе придется по вкусу его общество, Берти. Это сэр Родерик Глоссоп.

Я, конечно, удивился. Да и как не удивиться, если вы только что расстались с А и встретились с Б и этот самый Б с первых же слов начинает говорить об А.

– Как ты сказал – сэр Родерик Глоссоп?

– Да.

– Я не знал, что вы знакомы.

– Знакомство самое шапочное. Виделись раза два. Он большой приятель моей тети Миртл.

– А, тогда понятно. Я их вчера вечером видел, они вместе ужинали.

– Что ж, идем со мной в «Карлтон», увидишь, как я сегодня с ним обедаю.

– Чаффи, дружище, разумно ли ты поступаешь? Мудро

ли? Преломить хлеб с этим субъектом значит обречь себя на крестные муки. Уж я-то знаю, на собственной шкуре испытал.

– Понимаю, Берти, но ничего не поделаешь. Я получил от него вчера срочную телеграмму, он просил обязательно приехать и поговорить с ним. Знаешь, какая у меня возникла надежда? Что он хочет снять Чаффнел-Холл на лето, или, может быть, кто-то из его знакомых. Вряд ли он стал бы слать срочные телеграммы просто так. Нет, Берти, уж лучше мне пойти. А с тобой мы давай завтра поужинаем.

При других обстоятельствах я бы и руками и ногами «за», но сейчас пришлось отказаться. Я все обдумал, распорядился, и изменить уже ничего нельзя.

– Извини, Чаффи. Завтра я уезжаю из Лондона.

– Уезжаешь?

– Уезжаю. Управляющий дома, в котором я живу, поставил меня перед выбором: или я немедленно съезжаю с квартиры, или прекращаю играть на банджо. Я предпочел съехать. Хочу снять где-нибудь в деревне коттедж, потому-то и сказал, что у меня к тебе дело. Можешь сдать мне коттедж?

– У меня их штук десять, выбирай любой.

– Мне нужна тишина и уединение. Я буду с утра до вечера играть на банджо.

– Есть именно то, что тебе нужно. На берегу залива, ближайшие соседи на расстоянии мили, если не считать полицейского, сержанта Ваулза. А он играет на фисгармонии.

Можете составить дуэт.

– Великолепно!

– А еще в этом году приехали негры-менестрели.⁶ Будешь перенимать их приемы.

– Чаффи, это предел мечтаний. А для разнообразия будем иногда проводить время вместе.

– Но играть на своем дурацком банджо в Чаффнел-Холле ты не будешь, не надейся.

– Ладно, дружище, не волнуйся. Я буду приходить к тебе обедать.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

– Кстати, что по этому поводу говорит Дживс? Не думаю, что он так уж рвется уехать из Лондона.

Я слегка нахмурился.

– Меня не интересует, что говорит Дживс по этому поводу, равно как и по любому другому. Наши с ним пути разошлись.

– Как разошлись?

Я знал, что новость поразит его.

– Да, – пояснил я, – отныне Дживс пойдет по жизни своей дорогой, а я – своей. У него хватило нахальства заявить мне, что он уйдет, если я не перестану играть на банджо. Я принял отставку.

⁶ Негры-менестрели – исполнители негритянских песен, мелодий, шуток, заимствованные неграми.

– Ты в самом деле позволил ему уйти?

– Конечно.

– Ну и дела.

Я небрежно махнул рукой:

– Такова жизнь, Чаффи. Конечно, я не в восторге, зачем притворяться, но как-нибудь переживу. Я все-таки уважаю сам себя и не могу принять условия моего слуги. Когда имеешь дело с Бустерами, не стоит заходить слишком далеко. «Очень хорошо, Дживс, – сказал я. – Так тому и быть. Я с интересом буду наблюдать за вашей карьерой». Вот и вся история.

Мы прошли несколько шагов молча.

– Стало быть, Дживс у тебя больше не служит, – задумчиво проговорил Чаффи. – Н-да, дела. Не возражаешь, если я загляну к вам и попрощаюсь с ним?

– Нисколько.

– В знак уважения.

– Конечно.

– Я всегда восхищался его умом.

– Я тоже. Кому и восхищаться, как не мне.

– Так я после обеда заскочу.

– Даю тебе зеленую улицу, – сказал я небрежно и даже безразлично. После разрыва с Дживсом я чувствовал себя так, будто наступил на мину и теперь собираю разлетевшиеся по равнодушному миру осколки самого себя, однако мы, Вустеры, умеем не ронять свое достоинство.

Я пообедал в «Трутнях» и просидел там довольно долго. Мне было о чем подумать. Рассказ Чаффи о неграх-менестрелях, которые распевают народные песни на песчаном побережье Чаффнел-Риджиса, решительно склонил чашу весов в пользу этой замечательной деревушки. Я смогу встретиться с виртуозами, возможно, даже перейму у них какие-то приемы и секреты исполнения, эта надежда помогала смириться с перспективой не в меру частых встреч с вдовствующей леди Чаффнел и ее отпрыском Сибири. Сочувствую и всегда сочувствовал бедняге Чаффи, каково-то ему терпеть общество этих двух злокачественных прыщей, которые постоянно вскакивают у него на пороге. В первую очередь это относится к недорослю Сибири, его следовало задушить еще в колыбели. Я с самого начала был уверен, что именно он пустил мне в постель ящерицу, когда я последний раз гостил в Холле, хотя прямых доказательств у меня нет.

Но, повторяю, я был готов терпеть мамашу с сыночком ради редкой возможности приблизиться к таким высококлассным музыкантам, ведь эти чернорожие менестрели так виртуозно играют на банджо, просто с ума сойти. И потому, когда я вернулся домой, чтобы переодеться к ужину, меня угнетала вовсе не мысль о леди Чаффнел и ее отпрыске.

Нет, мы, Вустеры, всегда честны сами с собой. Я впал в хандру из-за того, что Дживс уходит из моей жизни. Никто ему в подметки не годится, размышлял я, мрачно облача-

ясь в вечерний костюм, такого необыкновенного человека, как он, не было и никогда не будет. Меня захлестнула волна чувств, нельзя сказать чтоб недостойных мужчины. Даже душа заболела. Я завершил туалет, встал перед зеркалом и, любуясь идеально отглаженным смокингом и безупречными складками на брюках, вдруг принял неожиданное решение.

Я быстрым шагом вошел в гостиную и надавил на звонок.

– Дживс, – сказал я. – На два слова.

– Слушаю, сэр?

– Дживс, по поводу нашего утреннего разговора.

– Да, сэр?

– Дживс, я все обдумал и пришел к заключению, что мы оба погорячились. Забудем прошлое. Вы можете остаться.

– Вы очень добры, сэр, но... вы по-прежнему намереваетесь продолжать занятия на этом инструменте?

Я превратился в глыбу льда.

– Да, Дживс, намереваюсь.

– В таком случае, сэр, боюсь, я...

С меня довольно. Я надменно кивнул:

– Очень хорошо, Дживс. Это все. Я, разумеется, дам вам наилучшую рекомендацию.

– Благодарю вас, сэр, она не потребуетя. Нынче после обеда я поступил на службу к лорду Чаффнелу.

Я вздрогнул.

– Стало быть, сегодня днем Чаффи прокрался ко мне в квартиру и похитил вас?

– Да, сэр. Через неделю я уезжаю с ним в Чаффнел-Риджис.

– Ах вот как, через неделю. Если вас интересует, могу сообщить, что лично я отбываю в Чаффнел-Риджис завтра.

– В самом деле, сэр?

– Да. Я снял там коттедж. Что ж, Дживс, встретимся под Филиппами?⁷

– Да, сэр.

– Или там говорится о каком-то другом месте?

– Нет, сэр, именно о Филиппах.

– Благодарю вас, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

Такова цепь событий, приведших Бертрама Вустера утром пятнадцатого июля к порогу коттеджа «Среди дюн», где он любовался морским пейзажем сквозь ароматный дым задумчивой сигареты.

⁷ ...встретимся под Филиппами? – Слова, сказанные на прощание Бруту призраком Юлия Цезаря (Шекспир «Юлий Цезарь», акт IV, сц. 3).

Глава III

Встреча с похороненным прошлым

Признаюсь вам, чем дольше я живу, тем яснее понимаю, что главное в жизни – это твердо знать, чего ты хочешь, и не позволять сбить себя с толку тем, кому кажется, будто они знают лучше. Когда я объявил в «Трутнях» в свой последний день в столице, что удаляюсь на неопределенное время в уединенную глушь, почти все уговаривали меня чуть не со слезами на глазах ни в коем случае не совершать такой вопиющей глупости. Помрешь со скуки, в один голос твердили они.

Но я поступил по-своему, живу здесь уже пятый день, радуюсь жизни и ни о чем не жалею. Солнце сияет. Небо синее некуда. Кажется, что Лондон невесть как далеко, да он и в самом деле далеко. Я ничуть не погрешу против истины, если признаюсь, что в душе царят мир и покой.

Когда я о чем-то рассказываю, я вечно сомневаюсь, что именно из антуража надо описывать, а что нет. Я советовался кое с кем из моей знакомой пишущей братии, так их мнения расходятся. Приятель, с которым я разговорился за коктейлями у кого-то в Блумсбери,⁸ поведал, что лично он признает

⁸ Блумсбери – район в центре Лондона. Там обреталась так называемая блумсберийская группа творческой интеллигенции, в которую входили, среди прочих,

только горы грязной посуды в кухонных раковинах, нетопленные спальни и вообще самую низменную сторону быта, а от красот природы его тошнит. Зато Фредди Оукер, тоже член клуба «Трутни», специализирующийся на рассказиках о возвышенной любви, которые печатает в разных еженедельниках под псевдонимом Алисия Сеймур, признался мне, что одно только описание цветущего весеннего луга приносит ему не меньше сотни фунтов в год.

Лично я не поклонник пространных описаний природы, поэтому сейчас буду краток. Итак, я стоял на пороге коттеджа, и взгляду открывалось следующее: приятный садик величиной с ладонь, в котором произрастали один куст, одно дерево, имелись две клумбы, крошечный бассейн со статуей голого пузатого мальчишки и еще живая изгородь справа. Возле этой изгороди мой новый слуга Бринкли болтал с нашим соседом, полицейским Ваулзом, который, судя по всему, хотел договориться о продаже нам яиц.

Впереди тоже была живая изгородь и в ней калитка, а за изгородью просматривалась спокойная гладь залива; залив был как залив, ничего особенного, только со вчерашнего вечера в нем появилась гигантских размеров яхта и встала на якорь. Из всех объектов, оказавшихся непосредственно в поле моего зрения, я с наибольшим удовольствием и одобрением выделил яхту. Белая, величиной чуть не с океанский лай-

нер, она придала завершенность побережью Чаффнел-Риджиса.

Итак, вот какой вид открывался передо мной. Добавьте кота, заинтересовавшегося улиткой на дорожке, меня в дверях с дешевой сигаретой, и картина будет полной.

Нет, прошу прощения. Я забыл одну важную деталь – я оставил на дороге свой автомобиль, и сейчас мне был виден его верх. И как раз в эту минуту летнюю тишину разорвал вой клаксона, я со всех ног кинулся к калитке, испугавшись, что какой-то хулиган поцарапает сверкающую краску. Добежав до машины, я увидел сидящего за рулем мальчишку, он с меланхолическим видом нажимал грушу. Я размахнулся, чтобы хорошенько врезать нахалу по шее, но узнал двоюродного брата Чаффи, Сибири, и опустил руку.

– Здорово, – сказал он.

– Привет, – ответил я.

Ответил очень сухо. Воспоминание о ящерице под одеялом было живехонько. Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь с наслаждением плюхнуться в постель, предвкушая, как вы сейчас блаженно заснете, и вдруг обнаружить бегущую по левой ноге невесть откуда взявшуюся ящерицу? Такое каленым железом не выжечь. И хотя, как я уже говорил, у меня нет неопровержимых улик, что злодейство задумал и совершил этот малолетний преступник, мои подозрения равнозначны уверенности. И потому я сейчас не только сухо с ним поздоровался, но и поглядел на него весьма су-

рово.

А ему как с гуся вода. Смотрит, по обыкновению, нахально, за что все нормальные люди его терпеть не могут. Маленький такой, щупленький, в рыжих конопушках, огромные уши торчком и манера смотреть на вас, как будто вы грязный оборванец, с которым он встретился во время благотворительного визита в трущобы. В моем криминальном архиве гадких мальчишек он занимает третье место: не дотягивает до злостной вредности отпрыска тети Агаты, Тоса, а также сына мистера Блуменфельда, однако уверенно опережает Себастиана Муна, сына тети Далии, Бонзо, и прочих.

Поразглядывав меня с таким выражением, как будто я после нашей последней встречи пал еще ниже, он бросил:

– Идите обедать.

– Значит, Чаффи вернулся?

– Да.

Что ж, если Чаффи вернулся, я, конечно, в его распоряжении. Я крикнул стоящему по ту сторону живой изгороди Бринкли, что обедать дома не буду, сел в автомобиль, и мы покатали.

– Когда он воротился?

– Вчера вечером.

– Мы будем обедать с ним вдвоем?

– Нет.

– А кто еще будет?

– Мама, я и еще разные люди.

– Целое общество? Тогда надо вернуться и надеть другой костюм.

– Не надо.

– Считаешь, в этом вид у меня приличный?

– Нет, не считаю. Вид у вас совершенно неприличный. Просто времени нет.

Решив этот вопрос, малец ненадолго умолк. Серьезный тип. Но вот он вышел из задумчивости и сообщил мне местную новость:

– Мы с мамой опять переселились в замок.

– Как?!

– Да вот так. Во вдовьем флигеле жуткая вонь.

– Но ведь вы же там больше не живете, – заметил я со свойственным мне тонким ехидством.

Он не оценил юмора.

– Думаете, остроумно? Если хотите знать правду, это, наверное, из-за моих мышей.

– Из-за чего, ты сказал?

– Я развожу мышей и щенков. Ну и, конечно, от них запах, – невозмутимо объяснил он. – А мама считает, что несет из канализации. Дайте пять шиллингов.

Эка мысли у него скачут, как блохи. Я от такого разговора дурею.

– Пять шиллингов?

– Пять шиллингов.

– Что значит – пять шиллингов?

– Пять шиллингов значит пять шиллингов.

– Это я и без тебя сообразил. Мне хочется понять, как они в наш разговор затесались? Ты говорил что-то такое о мышах и тут вдруг ни с того ни с сего брякаешь: «Пять шиллингов».

– Мне нужны пять шиллингов.

– Допускаю, тебе, может быть, действительно нужна упомянутая сумма, но я-то с какой стати должен раскошелиться?

– Это откупные.

– Чего-чего?

– Откупные.

– От чего я должен откупаться?

– Просто выкуп – и все.

– Никаких пяти шиллингов я тебе не дам.

– Дело ваше.

Он помолчал, потом произнес туманно:

– Те, кто отказывается платить откупные, попадают в разные неприятные истории.

Этой загадочной репликой наш разговор закончился, потому что мы уже подъезжали к замку и я увидел стоящего на ступеньках Чаффи. Остановил машину и вышел.

– Здорово, Бerti, – сказал Чаффи.

– Добро пожаловать в Чаффнел-Холл, – сказал я и оглянулся. Мальчишка испарился. – Послушай, Чаффи, что случилось с этим недорослем Сибери?

– А что с ним такое случилось?

– По-моему, у него крыша поехала. Этот малявка только что вымогал у меня пять шиллингов и нес какую-то ахинею о выкупе.

Чаффи весело захохотал, весь такой загорелый, пышущий здоровьем.

– А, вот ты о чем. Это у него сейчас такой пунтик.

– Ничего не понимаю.

– Да он гангстерских фильмов насмотрелся.

С моих глаз спала пелена.

– Он что же, воображает себя шантажистом?

– Ну да. Ужасно смешно. Собирает со всех дань сообразно финансовым возможностям человека. Кстати, неплохой источник дохода. Предприимчивый парнишка. Я бы на твоём месте дал ему деньги. Лично я дал.

Он меня просто ошарашил. Не столько тем, что представил мне очередное доказательство порочных наклонностей этого маленького хулигана, сколько собственным снисходительным попустительством. Я кинул на него острый взгляд. С первой же минуты, как я его сегодня увидел, мне бросилось в глаза, что вид у него какой-то странный. Обычно, когда его ни встретить, он поглощен своими финансовыми сложностями, глядит на вас потухшим взглядом, лоб страдальчески нахмурен. Именно таким он был пять дней назад в Лондоне. С чего это он сейчас рассиялся, как медный грош, вон даже об этом малолетнем злодее Сибири говорит чуть ли не с нежностью. Тут кроется какая-то тайна. Попробуем приме-

нить лакмусовую бумажку.

– Как поживает тетя Миртл?

– Отлично.

– Слышал, она снова перебралась в Холл?

– Верно.

– Насовсем?

– Да, насовсем.

– Что же, все ясно.

Должен заметить, тетка Миртл приложила немало стараний, чтобы превратить жизнь бедняги Чаффи в настоящий ад. Никак не могла смириться, что баронский титул перешел к нему. Дело в том, что Сибери не был сыном покойного дядюшки Чаффи, четвертого барона Чаффнела: леди Чаффнел прижила его в одном из предыдущих браков, вследствие чего он, согласно положению о наследовании титулов, естественно, не попал в категорию наследников, как они определяются в книге пэров. А если вы не наследник, звание пэра вам не светит. Соответственно, когда четвертый барон сыграл в ящик, и титул, и поместье достались Чаффи. Все, конечно, честно и справедливо, в строжайшем соответствии с законом, но разве женщины способны такое понять, и Чаффи частенько жаловался, что вдова постоянно отравляет ему жизнь. Была у нее такая привычка: сожмет Сибери в объятиях и устремит на Чаффи полный укора взгляд, как будто он обобрал до нитки сироту и его мать. Говорить она ничего не говорила, вы сами понимаете, однако ходила с видом

жертвы, попавшей в лапы прожженных мошенников.

Вследствие каких-то обстоятельств вдовствующую леди Чаффнел никак нельзя было причислить к лучшим друзьям Чаффи. Отношения у них всегда были по меньшей мере напряженные, я ведь к чему это рассказываю: стоит в присутствии Чаффи произнести ее имя, и на его славной открытой физиономии проступает мука, он даже болезненно морщится, как будто ему разбредили старую рану.

А сейчас вон улыбка до ушей. Даже мое замечание о том, что-де тетка вроде бы, как я слышал, снова поселилась в Холле, ничуть его не покорило. Нет, все это явно неспроста. От Бертрама что-то скрывают.

Я решил идти напролом.

– Чаффи, – спросил я, – что все это означает?

– Что – «все это»?

– Твоя дурацкая веселость. Меня не проведешь. Ястребинный Глаз все видит. Выкладывай, дружище, начистоту. По поводу чего такое ликованье?

Видно было, что Чаффи колеблется. Он с прищуром глядел на меня.

– Ты способен хранить тайну?

– Нет.

– Ладно, не важно, все равно завтра или послезавтра новость появится в «Морнинг пост». Берти, – Чаффи заговорщически понизил голос, – ты хочешь знать, что произошло? Я вот-вот сбегу с рук тетушку Миртл.

– То есть кто-то хочет на ней жениться?

– Ну да.

– И кто же этот полоумный?

– Твой старинный приятель, сэр Родерик Глоссоп.

Я превратился в соляной столб.

– Что?!

– Я тоже удивился.

– Старикашка Глоссоп задумал жениться? Не может быть!

– Почему не может быть? Он уже третий год вдовееет.

– Ну да, я понимаю, голову ему заморочить можно. Но чтобы довести дело до обручальных колец и свадебного пирога? Нет, не такой он человек.

– И тем не менее, как видишь.

– Чудеса, да и только.

– Согласен.

– Слушай, Чаффи, а ведь какая замечательная каверза получается. У малявки Сибири будет отчим людоед, а этот интриган Глоссоп получит именно такого пасынка, о каком я и в сладком сне не мог для него мечтать. Они давно друг по дружке плачут. Но неужели нашлась сумасшедшая, которая согласилась связать свою судьбу с этим шарлатаном? О, наши скромные, неприметные героини!

– Я не могу согласиться, что героизм проявила только одна сторона. По-моему, они друг друга стоят. Кстати, Берти, этот Глоссоп вполне приличный малый.

Да что это с ним? Разжижение мозгов?

– Эх тебя занесло. Я понимаю, он снимает с тебя эту обузу, тетю Миртл...

– И Сибири.

– Верно, и Сибири. Пусть так, не спорю, но неужели ты способен углядеть хоть крупицу добра в этой моровой язве? Вспомни ужасные истории, которые я тебе о нем рассказывал. В каком неприглядном свете он в них предстает!

– Ну, не знаю, мне он, во всяком случае, оказывает добрую услугу. Знаешь, зачем он так спешно хотел увидаться со мной тогда в Лондоне?

– Зачем?

– Он нашел американца, которому надеется продать Чаффнел-Холл.

– Да что ты говоришь!

– Вот так-то. Если сделка не сорвется, я наконец-то избавлюсь от этой опостылевшей развалюхи и в кармане у меня зазвенят денежки. И все благодаря дядюшке Родерику, мне нравится называть его так про себя. Так что, Берти, уж пожалуйста, воздержись от глумливых выпадов в его адрес и главное – ни в коем случае не произноси имя этого недоросля Сибири в какой бы то ни было связи с его собственным. Ради меня, Берти, ты должен полюбить дядюшку Роди.

Я покачал головой:

– Нет, Чаффи, уволь, боюсь, мне себя не пересилить.

– Ну и черт с тобой, – добродушно согласился Чаффи. – Лично я считаю его своим благодетелем.

– А ты уверен, что затея не сорвется? Зачем этому американцу такая громадина?

– Ну, тут-то как раз все ясно. Он близкий друг старика Глоссопа и согласен выложить наличные, чтобы Глоссоп превратил замок в такой как бы загородный клуб для своих чокнутых пациентов.

– Зачем такие сложности? Почему бы старому хрычу Глоссопу не арендовать замок непосредственно у тебя?

– Берти, ты просто небожитель, совершенно не представляешь, в каком состоянии находится дом. Наверное, думаешь, он весь сверкает и блестит, ждет тебя с распростертыми объятиями. Увы, Берти, большинство комнат лет сорок даже не открывали. Чтобы отремонтировать замок, нужно тысяча пятнадцать. Да нет, больше. Я уж не говорю про новую мебель, дверные и оконные ручки, шпингалеты и прочее, прочее, прочее. Если какой-нибудь миллионер вроде этого чудака не купит замок, этот крест будет висеть у меня на шее всю жизнь.

– А, так он миллионер?

– Да, как раз в этом смысле все благополучно. Меня волнует только одно: чтобы он поставил свою подпись на купчей. Сегодня он у нас обедает, так что обед закатали грандиозный. После такой трапезы он наверняка похорошеет, как ты думаешь?

– Если у него желудок здоровый. Почти все американские миллионеры страдают несварением. Вдруг твой из тех муче-

ников, которым ничего нельзя, кроме стакана молока с сухариком?

Чаффи весело расхохотался.

– Не волнуйся, папаша Стоукер каминные щипцы перемарит. – Он вдруг запрыгал, как овечка на весеннем лугу. – Здравствуйте, добро пожаловать!

К крыльцу подкатил автомобиль, из него стали выгружаться приехавшие пассажиры.

Первый пассажир был Дж. Уошберн Стоукер, вторым оказалась его дочь Полина, третьим его малолетний сын Дуайт и четвертым сэр Родерик Глоссон.

Глава IV

Полина Стоукер просит помощи

Должен признаться, ноги у меня стали ватные. Такого мерзкого сюрприза жизнь мне давно не преподносила. Даже в Лондоне встреча с собственным похороненным прошлым кого угодно вышибет из колеи, но столкнуться с этими разбойниками здесь, да еще в предвидении нескончаемо долгого парадного обеда – это настоящая Голгофа. Я поклонился со всей изысканной любезностью, на какую был способен в столь необычных обстоятельствах, однако физиономия моя от смущения запылала, и, если честно, дышал я, как вынутая из воды рыба.

Чаффи был великолепен в роли радушного хозяина.

– Здравствуйте, здра-а-вствуйте! Добро пожаловать. Наконец-то вы приехали. В добром ли здравии, мистер Стоукер? А вы, сэр Родерик? Привет, Дуайт. Э-э... доброе утро, мисс Стоукер. Позвольте представить вам моего друга Берти Вустера. Мистер Стоукер, это мой друг Берти Вустер. Дуайт, это мой друг Берти Вустер. Мисс Стоукер, это мой друг Берти Вустер. Сэр Родерик Глоссоп, это мой друг Берти... впрочем, что же это я, вы ведь знакомы.

Я еще не пришел в сознание. Согласитесь, от такого кто угодно впадет в столбняк. Я оглядел толпу. Папаша Стоукер

испепелял меня взглядом. Старикашка Глоссоп тоже испепелял меня взглядом. Малявка Дуайт меня нахально разглядывал. Одна Полина не почувствовала ни малейшего замешательства, была спокойна, как устрица на тарелке, и весела, как весенний ветерок. Можно подумать, мы с ней заранее договорились о встрече. Бертрам задушенно выдавил из себя «Привет», а она буквально оглушила меня щебетаньем и стрекотаньем и при этом радостно сжимала мою руку.

— Берти, ты здесь, кто бы мог подумать! Полковник Вустер собственной персоной! Ну и чудеса! Я тебе звонила в Лондоне, но мне сказали, что ты уехал.

— Да. Я теперь здесь живу.

— Вижу, что здесь, солнечный ты мой зайчик. Отлично, теперь я совершенно довольна, будем веселиться. Берти, ты отлично выглядишь. Папа, правда, Берти просто красавец?

Старый хрыч Стоукер явно не желал выступать в роли ценителя мужской красоты. Он издал звук, с каким свинья отправляет в желудок вилок капусты, однако от более членораздельных высказываний воздержался. Мрачный подросток Дуайт молча пожирал меня глазами. Сэр Родерик, чья физиономия при виде меня побагровела, а потом начала понемногу терять свою зловещую яркость, сохранял выражение человека, оскорбленного в своих лучших чувствах.

Но в этот миг появилась вдовствующая леди Чаффнел. Дама могучего сложения, такой впору быть главой охотничьего общества и владелицей своры собак, если бы глава-

ми упомянутых обществ избирали женщин, она спокойно и уверенно срежиссировала массовую сцену. Не успел я опомниться, как толпа гостей скрылась в доме, а я остался на крыльце вдвоем с Чаффи. Чаффи как-то странно глядел на меня и кусал нижнюю губу.

– Я и не знал, Берти, что ты с ними знаком.

– Познакомился в Нью-Йорке.

– Ты часто встречался там с мисс Стоукер?

– Несколько раз.

– Сколько?

– Ну, раза два или три.

– Мне показалось, она тебе очень обрадовалась.

– Ну что ты. Простая вежливость.

– А можно подумать, вы близкие друзья.

– Господь с тобой. Так, приятели. Она со всеми так себя ведет.

– Со всеми?

– Конечно. Понимаешь, она такая открытая, непосредственная.

– Удивительная девушка, искренняя, добрая, великодушная, жизнерадостная, верно?

– В самую точку.

– К тому же красавица.

– Да, просто удивительно.

– И такая обаятельная.

– На редкость.

– Словом, очень привлекательная девушка.

– В высшей степени.

– Мы с ней в Лондоне проводили много времени вместе.

– И что же?

– Ходили в зоопарк, в Музей мадам Тюссо.

– Понятно. И как она относится к этой затее с покупкой замка?

– Горячо одобряет.

– Скажи честно, дружище, – спросил я, стараясь свернуть в сторону от животрепещущей темы, – сам-то ты как оцениваешь шансы на успех?

Чаффи сдвинул брови:

– То вроде бы кажется, что шансы есть. То вроде бы кажется, что их нет.

– Ясно.

– Как-то зыбко все.

– Понимаю.

– Папаша Стоукер держит меня в подвешенном состоянии. Так он вполне дружелюбен, но чует мое сердце: он в любую минуту может взбрыкнуть, и тогда все полетит к черту. Ты, случайно, не знаешь, может быть, есть какие-то деликатные темы, которых следует избегать в разговоре с ним?

– Деликатные темы, говоришь?

– Ну да. Ведь как бывает с незнакомыми людьми: ты говоришь, какой сегодня прекрасный день, а он делается бледный как полотно и стискивает зубы, потому что именно в та-

кой прекрасный день его жена сбежала от него с шофером.

Я стал соображать.

— На твоём месте я не стал бы особенно распространяться о Бертраме Вустере. То есть, если ты хотел расписывать ему мои достоинства...

— Не хотел.

— Вот и не надо. Он меня недолюбливает.

— Почему?

— Просто так, необъяснимая антипатия. И я думаю, старина, если ты не возражаешь, не стоит мне сейчас садиться за стол со всей честной компанией. Скажи своей тетке, что у меня голова разболелась.

— Ну что ж, если он при виде тебя сатанеет... Чем ты ему так досадил?

— Понятия не имею.

— Спасибо, что предупредил. Можешь незаметно исчезнуть.

— С большим удовольствием.

— А мне надо идти к гостям.

Он вошел в дом, а я стал прогуливаться по дорожке, радуясь, что остался один. Надо хорошенько разобраться, как он относится к Полине Стоукер.

Надеюсь, вы не против вернуться к разговору, который происходил у нас с ним несколько минут назад, и внимательно вслушаться в ту его часть, которая касалась барышни Стоукер. Вас что-то удивило, так ведь?

Конечно, чтобы полностью осознать значение происходящего, вам надо было находиться рядом с нами и внимательно наблюдать за ним. Для меня лицо человека — открытая книга, а уж Чаффи я и вовсе вижу насквозь. Когда он заговорил о Полине, то стал похож на чучело лягушки, прозревшей свет небесной истины: физиономия густопунцовая, смущен до крайности. Из чего со всей очевидностью вытекало, что мой однокашник по уши втрескался. Быстро это у него получилось, что и говорить, ведь он знает предмет своего обожания всего несколько дней, но такой уж он у нас, Чаффи. Пылкий, порывистый, безоглядный. Вы только представьте его барышне, дальше все пойдет как по маслу.

Ну что ж, если так, меня это вполне устраивает. Бертрам Вустер никогда не был собакой на сене. По мне, так пусть Полина Стоукер флиртует с кем угодно, отвергнутый искатель от души пожелает ей счастья. К этому всегда приходишь по зрелом размышлении, вы и сами знаете. Страдаешь, мучаешься, и вдруг является спасительная мысль, что все к лучшему, вы счастливо отделались. Я по-прежнему считал Полину красавицей, каких мало, но от огня, который вдохновил меня в тот вечер в «Плазе» бросить сердце к ее ногам, не осталось ни искры.

Анализируя эту перемену в собственных чувствах, если, конечно, слово «анализ» здесь применимо, я пришел к заключению, что всему виной ее неумемная энергия. Конечно, хороша, глаз от нее не оторвешь, но есть серьезный недоста-

ток: она из тех обожающих спорт девушек, которые непременно хотят, чтобы вы проплыли с ними милю-другую перед завтраком, а после обеда, когда у вас сладко слипаются глаза, тащат вас поиграть в теннис, сетов эдак пять-шесть для разминки. Прозрев, я понял, что на роль миссис Бертрам Вустер мне нужно что-то потише и поспокойнее, в духе Джанет Гейнор.⁹

Но в случае с Чаффи эти недостатки обращаются в величайшие достоинства. Понимаете, он и сам помешан на спорте – что на лошади скакать, что плавать, стрелять, что лис травить, оглашая окрестности дикими воплями, словом, он в вечном, неугомонном движении. Он и эта барышня П. Стоукер буквально созданы друг для друга, и если я хоть как-то могу содействовать их сближению, я должен буквально вернуться наизнанку.

И потому, когда увидел, что Полина вышла из дому и направляется ко мне с явной целью обменяться верительными грамотами, восстановить разорванные отношения и прочее, я не дал деру, а приветствовал ее жизнерадостным возгласом «Салют!» и позволил увлечь себя в укромную аллею, усаженную кустами рододендронов.

Теперь вы убедились, что мы, Вустеры, готовы на все, если надо помочь другу, потому что мне меньше всего на свете хотелось остаться наедине с этой девицей.

⁹ Джанет Гейнор (наст. имя Лора Гейнор, 1906–1984) – американская киноактриса.

Я, разумеется, опомнился после потрясения от встречи с ней, однако перспектива задушевного разговора тет-а-тет отнюдь не вдохновляла. Наши отношения были прерваны посредством почтового отправления, последний раз мы виделись еще женихом и невестой, так что сейчас мне было трудно выбрать правильный тон.

Однако мысль, что я могу замолвить словечко за старину Чаффи, воодушевила меня на подвиг, и мы уселись на простую деревенскую скамью, готовясь приступить к повестке дня.

– Никак не ожидала увидеть тебя здесь, Берти, – начала разговор она. – Что ты делаешь в этих краях?

– Я на время удалился от света, – объяснил я, радуясь, что обмен первыми репликами носит вполне светский, как я бы определил, характер. – Мне нужно было найти тихое место, где никто бы не мешал играть на банджо, вот я и снял этот коттедж.

– Какой коттедж?

– Я живу в коттедже на берегу.

– Ты, я думаю, удивился, когда увидел меня.

– Еще бы.

– Но не слишком обрадовался, верно?

– Ну что ты, тебе я всегда рад, но одно дело ты, и совсем другое – твой папенька и старый хрыч Глоссоп...

– Он вроде бы тоже не питает к тебе теплых чувств. А что, Берти, ты в самом деле держишь у себя в спальне столько

кошек?

Я слегка ошетинился.

– Да, в моей спальне действительно были кошки в тот день, но инцидент, на который ты намекнула, был пересказан тебе в искаженном...

– Бог с ними, с кошками, это все чепуха, забудем. Но видел бы ты папину физиономию, когда ему рассказывали эту историю. Кстати, о папиной физиономии: если бы я сейчас увидела ее, то померла бы со смеху.

Вот этого мне сроду не понять. Бог свидетель, я не обделен чувством юмора, но физиономия Дж. Уошберна Стоукера никогда не вызывала у меня желания хотя бы кисло усмехнуться. Внешность у него самая злодейская, здоровенный, кряжистый, глазки буравят вас насквозь, именно так я представляю себе средневекового пирата. Какой там смех, у меня в его присутствии язык прилипает к гортани.

– Я о том, что если бы он сейчас вдруг вынырнул из-за поворота и увидел, что мы тут воркуем как два голубка. Он уверен, что я все еще влюблена в тебя.

– Не может быть!

– Честное слово.

– Но как же, черт возьми...

– Поверь, это святая правда. Он разыгрывает из себя сурового викторианского отца, который разлучил юных любовников и теперь должен проявлять неусыпную бдительность, чтобы помешать их воссоединению. Знал бы он, как ты был

счастлив, когда получил мое письмо.

– Ну что ты такое говоришь!

– Берти, не надо кривить душой. Ты же просто ликовал, признайся.

– Я бы этого не сказал.

– И не говори. Мамочка и так все знает.

– Ну, знаешь, это просто черт знает что такое. Не понимаю, почему ты так считаешь. Я всегда восхищался твоими необыкновенными достоинствами.

– Как-как ты сказал? Слушай, откуда ты набрался таких выражений?

– В основном от Дживса. Он был мой камердинер. И у него был феноменальный запас слов.

– Ты говоришь «был»? Он что же, умер? Или спился с круга и растерял свой запас слов?

– Нет, он от меня ушел. Не вынес моей игры на банджо. Слух об этом распространился в свете, и теперь он служит у Чаффи.

– А кто это?

– Лорд Чаффнел.

– Вот как?

Мы оба умолкли. Она сидела и слушала, как ссорятся в ветвях близрастущего дерева две птицы. Потом спросила:

– Ты давно знаешь лорда Чаффнела?

– Да лет сто.

– И вы с ним близкие друзья?

– Ближе не бывает.

– Отлично. Я на это надеялась. Мне хочется поговорить с тобой о нем. Бerti, я могу тебе довериться?

– Еще бы.

– Я была в этом уверена. Как славно встретиться с бывшим женихом. Когда порываешь помолвку, остается столько...

– Нет-нет, ты не должна чувствовать никакой вины, – горячо заверил я ее.

– Да я не о том, дурачок, я хотела сказать: чувствуешь к человеку братскую нежность.

– Ах вот как! Ты, стало быть, относишься ко мне как к брату.

– Ну да. И хочу, чтобы ты сейчас считал меня своей сестрой. Расскажи мне о Мармадыке.

– Это еще кто такой?

– Лорд Чаффнел, балда.

– Так его зовут Мармадык? Ну и ну! Вот это да! Верно говорят, что человек не знает, как живет остальная половина человечества. Мармадык!

И я покатился со смеху. От смеха у меня даже слезы выступили на глазах.

– То-то, я помню, он в школе вечно темнил и пудрил нам мозги по поводу своего имени.

Она рассердилась:

– Очень красивое имя!

Я бросил на нее искоса острый взгляд. Нет, тут что-то неладно. Чтобы девушка просто так, без глубоких на то причин сочла имя «Мармадюк» красивым? И конечно же, глаза у нее сверкали, и кожный покров был приятного алого цвета.

– О-ля-ля! – сказал я. – Э-ге-ге! Те-те-те! Тю-тю-тю!

– Ну и что такого? – с вызовом вскинулась она. – Нечего разыгрывать из себя Шерлока Холмса. Я и не собираюсь ничего скрывать. Как раз хотела рассказать тебе.

– Ты любишь этого... ха-ха-ха!... прости, ради Бога... этого, как его, Мармадюка?

– Да, безумно люблю.

– Великолепно! Если ты и в самом деле...

– У него так дивно вьются волосы на затылке, тебе нравится?

– Только этого мне не хватало – разглядывать его затылок. Однако если, как я только что пытался сказать, если ты и в самом деле говоришь правду, приготовься: я сообщу тебе радостную весть. Мне в наблюдательности не откажешь, и когда я заметил во время нашей беседы, что глаза у старины Чаффи становятся мечтательными, как у коровы, стоит ему произнести твое имя, то сразу понял: он по уши в тебя влюблен.

Она с досадой дернула плечиком и довольно злобно прихлопнула точеной ножкой проползающую мимо ухвертку.

– Да знаю я, дурья ты башка. Неужели, по-твоему, девушка о таком не догадается!

Ее слова привели меня в полное замешательство.

– Но если он любит тебя, а ты любишь его, чего тебе еще желать? Не понимаю.

– Что же тут не понимать? Он, конечно, в меня влюблен, это ясно, однако молчит как рыба.

– Не объясняется тебе в любви?

– Хоть убей.

– Ну что ж, и правильно. Ты сама понимаешь, в таких делах требуется деликатность, нельзя нарушать правила хорошего тона. Естественно, он пока ничего тебе не говорит. Не надо торопить человека. Он и знаком-то с тобой всего пять дней.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я его знаю целую вечность, еще с тех пор, как он был вавилонский царь, а я – христианка-раба.¹⁰

– Почему тебе так кажется?

– Кажется – и все.

– Тебе виднее. Хотя, на мой взгляд, очень сомнительно. Однако какую роль ты отводишь в этой истории мне?

– Ну как же, ты его друг. Мог бы ему намекнуть. Сказать, что не надо демонстрировать показное безразличие...

– Это не безразличие, а душевная тонкость. Я тебе только что объяснил: у нас, мужчин, свои представления о том, как следует действовать в подобных случаях. Мы можем влю-

¹⁰ ...он был вавилонский царь, а я – христианка-раба. – Переиначенный рефрен из баллады английского поэта Уильяма Эрнста Хенли (1849–1903).

биться с первого взгляда, но достоинство требует, чтобы мы осадили себя. Мы – рыцари до мозга костей, мы безупречные джентльмены, мы понимаем, что нельзя кидаться за девушкой сломя голову, будто пассажир, который хочет съесть в вокзальном ресторане тарелку супа. Мы...

– Полная чепуха. Ты сделал мне предложение через две недели после знакомства.

– Совсем другое дело. В моих жилах течет пламенная кровь Бустеров.

– Не вижу никакой...

– Что ж ты остановилась? Продолжай, я тебя слушаю.

Но она глядела мимо меня на что-то, что находилось на юго-востоке; я повернул голову и понял, что мы не одни.

В позе почтительного уважения за моей спиной стоял Дживс, и на его аристократических чертах играло солнце.

Глава V

Берти берет все в свои руки

Я приветливо кивнул. Что с того, что нас с ним больше не связывают деловые отношения, мы, Вустеры, всегда любезны.

– А, Дживс.

– Добрый день, сэр.

Полина заинтересовалась:

– Это и есть Дживс?

– Он самый.

– Значит, вам не нравится, как мистер Вустер играет на банджо?

– Не нравится, мисс.

Мне не хотелось обсуждать эту щекотливую тему, поэтому я спросил довольно сухо:

– Вам, собственно, чего, Дживс?

– Меня послал мистер Стоукер, сэр. Его интересует, где находится мисс Стоукер.

Конечно, можно было, как всегда, отшутиться, дескать, дома никого нет, но я понимал: сейчас не до шуток. И благосклонно позволил Полине удалиться.

– Давай-ка ты топай.

– Да уж, придется. Не забудешь о нашем разговоре?

– Уделю этому делу первостепенное внимание, – заверил я ее.

Она ушла, а мы с Дживсом остались одни в огромном парке, где больше не было ни души. Я беспечно, с беззаботным видом закурил сигарету.

– Ну что ж, Дживс...

– Сэр?

– Хочу сказать, вот мы и встретились снова.

– Да, сэр.

– Под Филиппами, верно?

– Да, сэр.

– Надеюсь, вы нашли общий язык с Чаффи?

– Да, сэр, все сложилось как нельзя лучше. Осмелюсь спросить, вы довольны вашим новым камердинером?

– О, вполне. Безупречный слуга.

– Мне чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

Наступило молчание.

– Э-э, Дживс... – проговорил я.

Странное дело. Я хотел переброситься с ним несколькими вежливыми фразами, небрежно кивнуть и уйти. Но, черт, как же трудно сломать многолетнюю привычку. Понимаете, вот сижу я, вот стоит Дживс, а мне доверили решить задачу, по поводу каких я раньше всегда советовался с Дживсом, и сейчас я будто прирос к скамейке. И вместо того чтобы проявить ледяное равнодушие, кивнуть эдак свысока и уйти, как намеревался, я чувствовал непреодолимую потребность

обсудить с ним все в подробностях, будто никакого разрыва между нами и не случилось.

– Э-э... Дживс... – снова сказал я.

– Сэр?

– Хотел бы кое о чем посоветоваться, если у вас есть свободная минута.

– Разумеется, есть, сэр.

– Мне очень интересно, что вы думаете относительно моего друга Чаффи. Поделитесь со мной?

– Охотно, сэр.

На его лице было выражение мудрого понимания, соединенное с искренним желанием верного слуги помочь своему господину, которое я столько раз видел раньше, и я решил: к черту сомнения.

– Надеюсь, вы согласны, что пятый барон нуждается в помощи?

– Прошу прощения, сэр?

Я разозлился:

– Перестаньте, Дживс, как вам не надоело. Вы все отлично понимаете. Бросьте эти хитрости и притворство, где ваша прежняя открытость и прямота? И не вздумайте уверять меня, будто прослужили у него почти неделю и не сделали никаких наблюдений и выводов.

– Правильно ли я предположил, сэр, что вы намекаете на отношение его светлости к мисс Полине Стоукер?

– Правильно, Дживс, вы правильно предположили.

– Я, конечно, догадываюсь, сэр, что его светлость питает к юной леди чувства более глубокие и пылкие, чем простая дружба.

– Зайду ли я слишком далеко, если заявлю, что он втрескался в нее по уши?

– Отнюдь нет, сэр. Это выражение очень точно определяет истинное отношение его светлости к упомянутой барышне.

– Что ж, великолепно. А теперь, Дживс, я открою вам, что она тоже его любит.

– В самом деле, сэр?

– Именно об этом она мне рассказывала, когда вы появились. Призналась, что без ума от него. И ужасно страдает, бедная дурочка. Совсем извелась. Женская интуиция помогла ей разгадать его тайну. Она видит свет любви в его глазах. И ждет не дождется, когда он ей признается, но он молчит, и она места себе не находит, потому что тайна эта... как там дальше, Дживс?

– Словно червь в бутоне, сэр.

– И еще вроде бы что-то про румянец...

– Румянец на ее щеках точила,¹¹ сэр.

– Точила румянец? Вы уверены?

– Совершенно уверен, сэр.

– Так вот, спрашивается, какого черта? Он любит ее. Она любит его. В чем загвоздка? Когда мы с ней сейчас беседо-

¹¹ *Румянец на ее щеках точила...* – У. Шекспир «Двенадцатая ночь» (акт II, сц. 4), перевод Э. Линецкой.

вали, я высказал предположение, что он ведет себя так сдержанно из деликатности, но сам в это не особенно верю. Я Чаффи хорошо знаю. Вот уж кто действует с налета: пришел, увидел, победил. Если через неделю после знакомства он не сделал девушке предложения, он считает, что потерял форму. А теперь? Вы только поглядите на него: безнадежно буксует. Что стряслось?

– Его светлость чрезвычайно щепетилен в вопросах чести, сэр.

– При чем тут щепетильность?

– Он отдает себе отчет, что, находясь в стесненных обстоятельствах, не имеет права предлагать руку и сердце столь богатой молодой особе, как мисс Стоукер.

– К черту, Дживс, любовь смеется над такими пустяками, как бедность и богатство. И потом не так уж она богата. Не бесприданница, конечно, но и не миллионерша.

– Вы ошибаетесь, сэр. Состояние мистера Стоукера исчисляется пятьюдесятью миллионами долларов.

– Что?! Дживс, перестаньте меня разыгрывать.

– Я не разыгрываю вас, сэр. Насколько я могу судить, именно эту сумму он унаследовал недавно согласно завещанию покойного мистера Джорджа Стоукера.

Меня как обухом по голове.

– Вот это фокус, Дживс! Значит, троюродный братец Джордж откинул копыта?

– Да, сэр.

– И все денежки оставил старому хрычу Стоукеру?

– Да, сэр.

– Вот оно что. Теперь понимаю, теперь все становится на свои места. А я-то гадал, на какие шиши он скупает огромные поместья. Яхта в заливе, конечно, его?

– Да, сэр.

– Чудеса, да и только. Черт, я уверен, у кузена Джорджа были более близкие родственники.

– Были, сэр. Но он их терпеть не мог, насколько мне известно.

– А, так вам о нем кое-что известно?

– Да, сэр. Когда мы жили в Нью-Йорке, я частенько встречался с его камердинером. Некто Бенстед.

– Кузен ведь был сумасшедший, верно?

– В высшей степени эксцентричный джентльмен, сэр, это несомненно.

– Кто-нибудь из обойденных родственников может опротестовать завещание?

– Не думаю, сэр. Но в таком случае мистера Стоукера поддержит сэр Родерик Глоссоп, он, само собой разумеется, засвидетельствует, что, хотя кому-то поведение покойного мистера Стоукера, возможно, казалось несколько своеобразным, психически он был совершенно здоров. Свидетельство такого известного психиатра, как сэр Родерик, считается истиной в последней инстанции.

– То есть он заявит, что человек имеет полное право хо-

дить на руках, если ему так больше нравится? Не надо тратиться на башмаки и так далее.

– Совершенно верно, сэр.

– И значит, у мисс Стоукер нет ни малейшего шанса отбиться от пятидесяти миллионов долларов, которые родственничек-психопат хранил в чулке?

– Ни малейшего, сэр.

Я задумался.

– Хм... И если старый хрыч Стоукер не купит Чаффнел-Холл, Чаффи так и останется нищим. Такое положение чревато трагедией. Но почему, Дживс, почему? При чем тут деньги? Зачем придавать такое значение деньгам? История знает массу примеров, когда бедный женился на богатой.

– Всё так, сэр. Но по данному конкретному вопросу его светлость придерживается своих собственных взглядов.

Я снова погрузился в размышления. Конечно, Дживс прав. Чаффи всю жизнь был жутко щепетилен в отношении денег. Наверное, так предписывает кодекс чести Чаффнелов. Сколько лет я пытаюсь одолжить ему от своего изобилия, но он всегда решительно говорит «нет».

– Н-да, задача, – наконец произнес я. – Сейчас я просто не вижу выхода. И все-таки, Дживс, может быть, вы ошибаетесь. Ведь это только ваше предположение.

– Нет, сэр. Его светлость оказал мне честь и поделился своими затруднениями.

– Да что вы говорите? А как всплыла эта тема?

– Мистер Стоукер выразил желание, чтобы я поступил к нему на службу. Я сообщил о его предложении его светлости, и его светлость посоветовал мне не связывать с ним слишком больших надежд.

– Как, неужели Чаффи хочет, чтобы вы оставили его и перешли к старому негодяю Стоукеру?

– Нет, сэр. Желания его светлости диаметрально противоположны, он выразил их очень определенно и даже с большой горячностью. Однако просил меня потянуть время и дать отрицательный ответ только в том случае, если состоится продажа Чаффнел-Холла.

– А, вот оно что. Понимаю его тактику. Он хочет, чтобы вы подцепили старикашку Стоукера на крючок и поддерживали в нем надежду, пока он не подпишет роковые бумаги?

– Именно, сэр. В ходе этой беседы его светлость посвятил меня в те сложности, которые связаны с его отношением к мисс Стоукер. Чувство собственного достоинства не позволит ему просить у юной леди руки и сердца, пока его финансовое положение не поправится настолько, чтобы он почувствовал себя вправе решиться на подобный шаг.

– Кретин! Идиот!

– Лично я не рискнул бы облечь свое мнение в столь резкие слова, но признаюсь, что считаю принципы его светлости уж слишком донкихотскими.

– Мы должны его переубедить.

– Боюсь, сэр, это невозможно. Я уж и сам пытался, но все

мои доводы разбились об него, как о скалу. У его светлости комплекс.

– Что-что?

– Комплекс, сэр. Видите ли, он однажды присутствовал на представлении музыкальной комедии, где одним из действующих лиц был обнищавший английский аристократ без гроша в кармане, некто лорд Вотвотли, который все пытался жениться на богатой американке, и этот персонаж запал в душу его светлости. Он заявил мне в самых бесповоротных выражениях, что никогда не поставит себя в положение, где был бы хоть малейший намек на фатальное сходство.

– А если с продажей замка ничего не выйдет?

– Тогда, сэр, боюсь...

– Тогда червь в бутоне будет продолжать свое черное дело?

– Увы, сэр.

– А вы уверены, что он именно точил румянец?

– Уверен, сэр.

– Бессмыслица какая-то.

– Поэтический образ, сэр.

– У Чаффи, впрочем, румянец хоть куда.

– Да, сэр.

– Но что толку от здорового румянца, если вы упустили любимую девушку?

– Истинная правда, сэр.

– Что бы вы посоветовали, Дживс?

– Боюсь, сэр, в настоящую минуту я ничего не могу предложить.

– Никогда не поверю, Дживс, придумайте что-нибудь.

– Не могу, сэр. Поскольку препятствие коренится в психологии индивидуума, я затрудняюсь. Пока образ лорда Вотвотли будет терзать сознание его светлости, боюсь, мы бессильны.

– А вот и не бессильны. Откуда у вас эта обреченность, Дживс? Совершенно на вас не похоже. Надо его спустить с небес на землю.

– Я не совсем улавливаю, сэр...

– Отлично вы все улавливаете. Дело это проще простого. Влюбленный Чаффи молча томится возле своего предмета и бездарно теряет время. Надо его хорошенько встряхнуть. Если он увидит, что появился опасный соперник и вот-вот умыкнет красавицу, неужели он не плюнет на свои дурацкие принципы и не бросится в бой, изрыгая дым и пламя?

– Несомненно, ревность – чрезвычайно мощная побудительная сила, сэр.

– Знаете, Дживс, что я собираюсь сделать?

– Нет, сэр.

– Поцелую мисс Стоукер прямо на глазах у Чаффи.

– Право, сэр, я бы не рекомендовал...

– Не волнуйтесь, Дживс, я все обдумал. Пока мы сейчас с вами разговаривали, меня просто озарило. После обеда я незаметно увлеку мисс Стоукер сюда, на эту скамейку. А вы

подстроите так, чтобы Чаффи пошел за ней. Дождусь, когда он подойдет совсем близко, и заключу ее в объятия. Если это не поможет, значит, его ничем не прошибить.

– Я считаю, сэр, что вы подвергаете себя немалой опасности. Нервы у его светлости сейчас как натянутые струны.

– Ничего, пусть засветит мне в глаз, мы, Вустеры, ради друга и не на такое готовы. Нет, Дживс, никаких возражений, это дело решенное. Осталось только договориться о времени. Надеюсь, к половине третьего обед кончится... Между прочим, сам я обедать не пойду.

– Не пойдете, сэр?

– Нет. Не могу видеть это сборище. Останусь здесь. Принесите мне несколько сандвичей и полбутылки пива, ну, моего любимого.

– Хорошо, сэр.

– Кстати, Дживс, в такую жару двери столовой в сад будут, конечно, открыты. Пройдитесь во время обеда несколько раз туда-сюда, постарайтесь услышать, о чем говорят. Может быть, узнаете что-то важное.

– Хорошо, сэр.

– И положите на сандвичи как можно больше горчицы.

– Хорошо, сэр.

– В два тридцать скажите мисс Стоукер, что я хочу поговорить с ней. А в два тридцать две скажите лорду Чаффнелу, что она хочет поговорить с ним. Остальное предоставьте мне.

– Очень хорошо, сэр.

Глава VI

Возникают неожиданные сложности

Прошло довольно много времени, пока наконец вернулся Дживс с сэндвичами. Я с жадностью на них набросился.

– Черт, как вы долго.

– Согласно вашим указаниям, сэр, я подслушивал под дверью столовой.

– А, ну и что?

– Я не услышал ничего, что позволило бы сделать вывод касательно отношения мистера Стоукера к покупке замка, однако он был благодушен.

– Это вселяет надежду. Душа общества?

– Можно сказать и так, сэр. Он приглашал всех присутствующих к себе на яхту на праздник.

– Стало быть, он здесь задержится?

– И судя по всему, надолго, сэр. Что-то не в порядке с гребным винтом.

– Наверняка сломался от его взгляда. И что же это за праздник?

– Как выяснилось, сэр, завтра день рождения юного мистера Дуайта Стоукера. И гостей, как я понял, приглашают отпраздновать это событие.

– Приглашение было принято благосклонно?

– В высшей степени благосклонно, сэр. Правда, юному мистеру Сибири не слишком понравилось заносчивое утверждение юного мистера Дуайта, что юный мистер Сибири никогда в жизни не видел настоящей яхты, он готов на что угодно спорить.

– А Сибири?

– Заявил, что миллион раз плавал на разных яхтах. Кажется, он даже сказал не «миллион», а «миллиард».

– И что потом?

– Юный мистер Дуайт презрительно фыркнул, из чего я заключил, что он отнесся к утверждению юного мистера Сибири скептически. Но мистер Стоукер погасил начавший разгораться конфликт, сообщив, что гостей будут развлекать негры-менестрели, он их непременно пригласит. Видимо, его светлость упомянул об их пребывании в Чаффнел-Риджисе.

– И все уладилось?

– Да, сэр, как нельзя лучше. Правда, юный мистер Сибири заметил, что юный мистер Дуайт сроду не слыхивал негров-менестрелей, он голову дает на отсечение. Из слов, произнесенных через минуту ее светлостью, я понял, что юный мистер Дуайт бросил в юного мистера Сибири картофелиной, и какое-то время казалось, что не миновать скандала.

Я прищелкнул языком.

– Намордники на этих мальчишек надо надеть и посадить

на цепь. Они все погубят.

— К счастью, страсти скоро улеглись. Когда я уходил, в обществе царило полнейшее согласие. Юный мистер Дуайт объяснил, что у него просто рука сорвалась, и его извинение было принято в духе благожелательности.

— Ну что же, Дживс, возвращайтесь под дверь и постарайтесь еще что-нибудь разузнать.

— Хорошо, сэр.

Я доел сандвичи, допил пиво и закурил сигарету, сокрушаясь, что не попросил Дживса принести еще и кофе. Но Дживса и не надо ни о чем таком просить, немного погодя он возник передо мной с дымящейся чашкой в руках.

— Обед только что кончился, сэр.

— Отлично. Вам удалось снестись с мисс Стоукер?

— Удалось, сэр. Я уведомил ее, что вы желаете переговорить с ней, и вскорости она здесь будет.

— Почему вскорости, а не сейчас?

— Сразу же после того, как я передал ей вашу просьбу, его светлость завязал с ней беседу.

— А ему вы сказали, чтобы он тоже пришел?

— Да, сэр.

— Плохо, Дживс. Вышел просчет, они придут вместе.

— Нет, сэр. Как только я увижу, что его светлость направился в вашу сторону, я без труда задержу его под каким-нибудь предлогом.

— Под каким же?

– Меня уже давно интересует мнение его светлости относительно покупки новых носков.

– Хм! Да уж, Дживс, когда речь заходит о носках, вы неиссякаемы, вы сами это отлично знаете. Пожалуйста, не увлекайтесь, а то ведь вы можете проговорить с ним больше часа. Нужно непременно это все проверить.

– Вполне вас понимаю, сэр.

– Когда вы расстались с мисс Стоукер?

– С четверть часа назад, сэр.

– Странно, что ее до сих пор нет. Интересно, о чем они разговаривают?

– Не могу сказать, сэр.

– А, вот и она!

За кустами мелькнуло что-то белое, показалась Полина. До чего хороша, а уж глаза – глаза сияли, как звезды. Однако я ни на миг не поколебался в своем убеждении, что жениться на ней должен Чаффи, если все образуется, а не я, и страшно радовался этому обстоятельству. До чего все-таки странно: девушка сногшибательная красавица, а вам лучше в петлю, чем жениться на ней. Ничего, видно, не поделаешь, такова жизнь.

– Привет, Берти, привет, – прошептала она. – Пронесся слух, что у тебя голова раскалывается, а ты, я вижу, тут упи-сываешь за обе щеки.

– Да вот, заставил себя с трудом что-то проглотить. Дживс, вы можете все это унести.

– Хорошо, сэр.

– И не забудьте: если его светлость захочет поговорить со мной, я здесь.

– Не забуду, сэр.

Он забрал тарелку, чашку и бутылку и исчез. Я и сам не мог бы сказать, жалею я, что он уходит, или нет. Я здорово волновался. Все внутри противно дрожало, сердце обрывалось, куда-то ухало, проваливалось. Вам будет легче представить себе мое состояние, если вы вспомните, какая передо мной разверзлась бездна, когда я вышел на сцену церковного клуба в Ист-Энде, чтобы спеть «Эй, сынок!» подросткам с дурными наклонностями, которых Бифи Бингем пытался совлечь с пути порока.

Полина схватила меня за руку и пыталась довести что-то до моего сознания.

– Берти, ну Берти же... – тормошила она меня.

Но я в этот миг заметил над кустами голову Чаффи и понял: настала пора действовать, сейчас или никогда. Не медля ни секунды, я схватил ее в объятия и чмокнул в правую бровь. Не самый удачный из моих поцелуев, увы, однако же все равно поцелуй в рамках толкования данного понятия, и, как таковой, должен произвести, по моим расчетам, желанный эффект.

Он, конечно, и произвел бы этот самый эффект, если бы в столь решительный миг перед нами появился Чаффи. Но появился не Чаффи. В какой же я попал просак, ведь я уви-

дел всего лишь мелькнувшую сквозь зелень мужскую шляпу! Возле скамейки стоял папаша Стоукер собственной персоной, и я не скрою, что Бертрам слегка смутился.

Да что там смутился, я готов был провалиться сквозь землю. Трепетный отец на дух не переносит Бертрама Вустера и одновременно с этим убежден, что его дочь безумно влюблена в означенного Бертрама, и что он первым делом видит, выйдя на приятную послеобеденную прогулку? Влюбленную парочку в страстном объятии. Любой родитель завибрирует от такого зрелища, и что же удивляться, что старик застыл в позе отважного Кортеса, перед которым открылись безбрежные просторы Тихого океана. Человеку, в чьем кармане лежат пятьдесят миллионов долларов, незачем притворяться. Хочется ему испепелить взглядом отдельно взятую личность, он ее тут же испепелит. Вот и сейчас он меня как раз и испепелял. В его взгляде призыв к оружию соседствовал с душевной болью, и я понял, что Полина давеча достаточно точно охарактеризовала его викторианские представления.

К счастью, дальше взглядов дело не пошло. Можете сколько угодно обличать светские приличия, но в таких вот критических ситуациях они оказываются как нельзя более кстати. Пусть эти светские приличия лишь пустая формальность, но если эта формальность не позволяет взбешенному отцу дать коленкой под зад молодому человеку, который целует его дочь, только потому, что они сейчас в гостях у одного и

того же приятеля, то да здравствуют все самые пустые светские приличия.

Был, правда, миг, когда его нога нервно дернулась, и я подумал, что вот сейчас-то первобытное начало в Дж. Уошберне Стоукере вырвется на волю, однако светские приличия восторжествовали. Бросив на меня еще один уничтожающий взгляд, он увел Полину прочь, и я остался один обдумывать на свободе случившееся.

И пока я предавался раздумьям, стараясь успокоить нервы с помощью сигареты, в мою зеленую сень ворвался Чаффи. Видно, и он был чем-то встревожен, потому что глаза его чуть не вылезали из орбит.

– Послушай, Берти, я тут такого наслушался, что все это означает? – приступил он к делу без преамбулы.

– А чего ты такого наслушался?

– Почему ты мне не сказал, что был помолвлен с Полиной Стоукер?

Я вздернул бровь. Так, надо показать свою железную хватку, решил я, это явно не помешает. Если вы видите, что человек хочет взять вас за горло, надо опередить его и самому взять за горло.

– Я вас не понимаю, Чаффнел, – холодно процедил я. – Вы что, ждали, что я извещу вас открыткой?

– Мог бы мне сказать сегодня утром.

– Не счел нужным. А кстати, как ты об этом узнал?

– Сэр Родерик Глоссоп упомянул в разговоре.

– Ах, сэр Родерик Глоссоп! Кому еще и упоминать. Этот подонок как раз все и погубил.

– Как это?

– Он в это время был в Нью-Йорке, вмиг вытянул из старика Стоукера, что мы хотим пожениться, и заставил его дать мне от ворот поворот. Так что наша помолвка от старта до финиша длилась всего два дня.

Чаффи сощурился:

– Клянешься?

– Чем угодно.

– Всего два дня?

– Даже чуть меньше.

– И сейчас между вами ничего нет?

В его тоне не ощущалось дружеской теплоты, и я стал понимать, что ангел-хранитель Бустеров проявил мудрость, сделав свидетелем недавнего обьятия не его, а папашу Стоукера.

– Ничегошеньки.

– Точно?

– Говорят же тебе. Так что, Чаффи, смелей, дружище, – сказал я и ободряюще похлопал его по плечу, как старший брат. – Следуй велениям своего сердца и ничего не бойся. Она по уши в тебя влюблена.

– Кто тебе сказал?

– Она.

– Сама?

– Собственными устами.

– Думаешь, она в самом деле любит меня?

– Страстно, насколько я понял.

Исстрадавшаяся физиономия посветлела. Он провел рукой по лбу и с облегчением вздохнул.

– Слава Богу. Я слегка вспылil, ты уж не сердись. Сам посуди: ты только что обручился с девушкой и вдруг узнаешь, что она два месяца назад была помолвлена с другим, это, знаешь ли, удар не из легких.

Я изумился:

– Ты помолвлен? Когда же это произошло?

– Сразу после обеда.

– А как же Вотвотли?

– Кто тебе рассказал про Вотвотли?

– Дживс. Он сказал, тень Вотвотли нависла над тобой, как туча.

– Твой Дживс слишком много болтает. Между прочим, Вотвотли тут никаким боком не фигурирует. Я объяснился ровно через минуту после того, как старик Стоукер сказал мне, что покупает замок, решился наконец-то.

– Ей-богу?

– Ей-богу! Думаю, тут главная заслуга принадлежит портвейну. Я ему споил все, что осталось от урожая 1885 года.

– Вот это мудро. Сам сообразил?

– Нет. Дживс надоумил.

Я не смог удержать горестного вздоха.

– Гигант!

– Уникум!

– Вот голова!

– Думаю, размер девять с четвертью, не меньше.

– Он ест много рыбы. Какая жалость, что он лишен музыкального слуха, – печально заметил я. Однако тут же подавил сожаления: хватит горевать о своей утрате, надо радоваться удаче Чаффи. – Ну что ж, отлично. Надеюсь, вы будете очень, очень счастливы, – искренне пожелал я. – Скажу тебе со всей честностью: Полина одна из самых симпатичных девушек, с кем я был помолвлен.

– Может, хватит сыпать соль на эту окаянную помолвку?

– Пожалуйста.

– Я хочу поскорее забыть, что ты был когда-то с ней помолвлен.

– Кто же против.

– Когда я начинаю думать, что в то время ты имел право...

– Да никаких прав я не имел. Не забывай, помолвка длилась всего два дня, и оба эти дня я провалялся в постели с жесточайшей простудой.

– Но когда она сказала тебе «да», ты, конечно...

– Вот именно что нет. В комнату вошел официант с подносом мясных сэндвичей, и момент был упущен.

– Так, значит, ты никогда...

– Ни единого раза.

– Весело же она проводила время после помолвки с тобой.

Сплошной праздник и нескончаемое ликованье. И почему она согласилась за тебя выйти? Не понимаю, хоть убей.

Думаете, я понимал? Вот именно – хоть убей. Впрочем, возможно, при виде меня в душе властных энергичных женщин начинают звучать какие-то потаенные струны. Такое уже случилось один раз, когда я обручился с Гонорией Глоссоп.

– Я как-то советовался с одним вполне авторитетным психоаналитиком, – сказал я, – так он считает, что, когда женщина видит, как я слоняюсь, будто бездомная овца, в ней просыпается материнский инстинкт. Может быть, что-то в этом есть.

– Возможно, – согласился Чаффи. – Ладно, я побежал. Думаю, Стоукер захочет поговорить со мной по поводу замка. Ты со мной?

– Нет, спасибо. Понимаешь, старина, я не так уж сильно рвусь общаться с паноптикумом, который ты собрал. Тетушка Миртл еще куда ни шло, даже этот малявка Сибири. Но Стоукер и Глоссоп Бертрама доконают. Лучше пойду погуляю по парку.

Этот парк, раскинувшийся вокруг замка, был первоклассным местом для прогулок, думаю, Чаффи не без сожалений вздыхал при мысли, что вся эта красота уйдет из его рук и здесь устроят частную клинику для психов. Впрочем, если прожить много лет в одном доме бок о бок с тетушкой Миртл и кузенком Сибири, боюсь, любовь к нему может и улетучить-

ся. Я с большим удовольствием прошатался по окрестностям два часа, и уже заметно вечерело, когда я, ощутив настоятельную потребность выпить чашку чая, появился возле людской половины дома, где надеялся найти Дживса.

Одна из судомоек указала мне его комнату, и я уселся там в безмятежной уверенности, что очень скоро передо мной возникнет дымящийся чайник и намазанный сливочным маслом румяный тост. Весть о счастливой развязке, которую принес мне Чаффи, наполняла душу благостью, для полной гармонии не хватало только чашки горячего чая и хрустящего тоста.

– Знаете, Дживс, – сказал я, – такое событие не грех и сдобными булочками отпраздновать. До чего же приятно думать, что истерзанная штормами и бурями душа Чаффи наконец-то обрела мирную гавань. Вы слышали, что Стоукер обещал купить замок?

– Слышал, сэр.

– А о помолвке?

– И о помолвке тоже, сэр.

– Старина Чаффи сейчас небось на крыльях летает.

– Не совсем так, сэр.

– То есть?

– Увы, сэр. Вынужден с прискорбием сообщить, что возникло некоторого рода осложнение.

– Как! Неужели они успели поссориться?

– Нет, нет, сэр. Отношения его светлости и мисс Стоукер

продолжают оставаться неизменно сердечными. А вот между ним и мистером Стоукером произошел конфликт.

— Час от часу не легче!

— Ваша правда, сэр.

— Но почему?

— Причиной конфликта, сэр, послужило состязание в силе между юным мистером Дуайтом Стоукером и юным мистером Сибири. Если вы помните, сэр, я упоминал, что во время обеда между этими юными джентльменами не наблюдалось безупречно доброжелательного отношения друг к другу.

— Но вы сказали...

— Верно, сэр, сказал. Тогда остроу положения удалось сгладить, но минут через сорок после окончания трапезы ссора закипела снова. Юные джентльмены удалились в маленькую столовую, примыкающую к кухне, и там, как выяснилось, юный мистер Сибири потребовал у юного мистера Дуайта сумму в один шиллинг и шесть пенсов в качестве, как он объяснил, откупных.

— Каков мерзавец!

— Вот именно, сэр. Юный мистер Дуайт, как я понял, с возмущением отказался внести пожертвование, кажется, это так называется; начался обмен репликами, который привел к тому, что около половины четвертого из маленькой столовой стали доноситься звуки, свидетельствующие о происходящей там потасовке, и устремившиеся туда взрослые, как проживающие в доме, так и гостящие в нем, обнаружили

юных джентльменов на полу среди осколков опрокинутой ими во время борьбы посудной горки. К моменту их прибытия юный мистер Дуайт получил позиционное преимущество над противником и, сидя на груди у юного мистера Сибири, колотил его затылком о ковер.

Мне бы тихо возликовать, что нашелся наконец-то человек, который поступил с башкой недоросля так, как она того заслуживает, а у меня тоскливо засосало под ложечкой, по этому симптому вы поймете, какую глубокую тревогу вызвал у меня рассказ Дживса. Уж я-то знал, что последствия могут быть роковыми.

– Ох, Дживс, до чего же некстати!

– Некстати, сэр.

– Ну и потом?

– Потом, сэр, в бой втянулись все имеющиеся в наличии силы.

– Что, старая гвардия бросилась на выручку?

– Да, сэр, и наступление возглавила леди Чаффнел.

Я застонал.

– Она бы да не возглавила! Чаффи говорил, что, когда дело касается Сибири, она буквально превращается в тигрицу. Ради своего драгоценного сыночка она растолкает локтями весь мир и раздавит ему ноги. У Чаффи просто голос срывался, когда он рассказывал, с какой алчностью она набрасывалась за завтраком на самое лучшее яйцо и подсовывала его своему малютке, это еще когда они жили в замке, до того,

как ему удалось переселить их во вдовый флигель. Ну дальше, Дживс, дальше.

– Увидев эту картину, ее светлость издала громкий крик и влепила юному мистеру Дуайту крепчайшую затрещину.

– После чего, конечно...

– Совершенно верно, сэр. Мистер Стоукер вступил в схватку на стороне своего сына и размахнулся ногой, чтобы дать хорошего пинка юному мистеру Сибири.

– И попал в цель? Дживс, скажите, что попал!

– Да, сэр. Юный мистер Сибири как раз поднимался с полу, и его поза исключительно благоприятствовала получению подобного удара. Между ее светлостью и мистером Стоукером вспыхнула ссора. Ее светлость потребовала поддержки со стороны сэра Родерика, и тот – довольно неохотно, как мне показалось, – выразил мистеру Стоукеру неудовольствие по поводу нанесенного им оскорбления действием. В ответ были произнесены слова в повышенном тоне, следствием которых явилось сделанное в большой запальчивости заявление мистера Стоукера, что если сэр Родерик полагает, будто он, мистер Стоукер, купит после всего случившегося Чаффнел-Холл, то он, сэр Родерик, жестоко ошибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.